

Н. К.
МИХАЙЛОВСКИЙ

Николай Константинович Михайловский

Два письма Н. К. Михайловского А. П. Чехову

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2450555

Н. К. Михайловский. Сочинения: М.; 2011

Аннотация

Михайловский Николай Константинович (1842–1904) – публицист, социолог, литературный критик; теоретик народничества. В 1868–1884 годы Михайловский – сотрудник и член редакции «Отечественных записок»; после закрытия журнала работал в «Северном вестнике», «Русской мысли» и газете «Русские ведомости»; с 1894 года и до конца жизни возглавлял журнал «Русское богатство». Знакомство с Чеховым состоялось в ту пору, когда Михайловский возглавлял редакцию журнала «Северный вестник», 3 декабря 1887 года Чехов писал родным из Петербурга: «Каждый день знакомлюсь. Вчера, например, с 10 1/2 часов утра до трех я сидел у Михайловского... в компании Глеба Успенского и Короленко: ели, пили и дружески болтали».

Николай Константинович Михайловский Два письма Н. К. Михайловского А. П. Чехову

А. П. ЧЕХОВ И Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ

Михайловский Николай Константинович (1842–1904) – публицист, социолог, литературный критик; теоретик народничества. В 1868–1884 годы Михайловский – сотрудник и член редакции «Отечественных записок»; после закрытия журнала работал в «Северном вестнике», «Русской мысли» и газете «Русские ведомости»; с 1894 года и до конца жизни возглавлял журнал «Русское богатство».

Знакомство с Чеховым состоялось в ту пору, когда Михайловский возглавлял редакцию журнала «Северный вестник», 3 декабря 1887 года Чехов писал родным из Петербурга: «Каждый день знакомлюсь. Вчера, например, с 10 1/2 часов утра до трех я сидел у Михайловского... в компании Глеба Успенского и Короленко: ели, пили и дружески болтали».

Известны 2 письма Михайловского (ЦГАЛИ), ответ Чехова не сохранился.

Первое письмо Михайловского представляет собою документ в своем роде замечательный. Оно написано человеком доктрины, но под влиянием стихийного, непосредственного чувства. Этот «полнейший диктатор» (по выражению А. Н. Плещеева), объединяющий в журнале писателей одного с ним народнического направления, потрясен сильнейшим эстетическим впечатлением, которое произвела на него чеховская «Степь».

Михайловский писал о Чехове много. В своей критике Чехова он последователен; Михайловский постоянно пишет об отсутствии у Чехова четкого мирозерцания, направляющей идеи, о равнодушии Чехова к изображаемому, истолковывая таким образом объективную манеру повествования. Широкую известность и влияние на современников приобрели такие его суждения, как «Чехову все едино – что человек, что его тень, что колокольчик, что самоубийца» (статья «Письма о разных разностях» – «Русские ведомости», 1890, № 104, 18 апреля; в сборниках и собрании сочинений Михайловского называется «Об отцах и детях и о г. Чехове»). Михайловский сравнивал чеховские произведения с бусами, прекрасно ограненными, но нанизанными на нитку совершенно механически. Статьи Михайловского о Чехове полны противоборствующих стремлений: Михайловский борется против чуждой ему художественной системы, борется за

талант, пропадающий, как ему кажется, даром; борется он и с самим собой, вновь и вновь возвращаясь к художественному феномену, который против его воли оказывает столь сильное воздействие на него, и он сопротивляется этому.

Чехов считал, что Михайловский «талантлив и умен, хотя и скучноват» (письмо к А. Н. Плещееву от 15 сентября 1888 г.). Он относился со вниманием к замечаниям Михайловского, некоторые из них принимал. И хотя в целом система взглядов Михайловского была чужда Чехову, он неизменно признавал заслуги критика перед русской литературой, и, когда в 1901 году был поставлен вопрос о возможных кандидатах на вакансии почетных академиков, Чехов назвал в их числе Н. К. Михайловского.

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ – ЧЕХОВУ

15 февраля 1888 г. Петербург

88, П, 15. Петербург.

Антон Павлович,

Я сейчас дочитал корректуру Вашей «Степи», и хочется мне об ней сказать Вам несколько слов. Хотите обижайтесь, хотите сердитесь за это непрошеное письмо – мне все равно, потому что слишком я далек от мысли сделать Вам обиду. Читая «Степь», я все время думал, какой грех Вы совершали, разрываясь на клочки, и какой это будет уж совсем

страшный, незамолимый грех; если Вы и теперь будете себя рвать. Читая, я точно видел силача, который идет по дороге, сам не зная куда и зачем, так, кости разминает, и, не сознавая своей огромной силы, просто не думая об ней, то росточек сорвет, то дерево с корнем вырвет, все с одинаковою легкостью и даже разницы между этими действиями не чувствует. Много Вам от бога дано, Антон Павлович, много и спросится. Сила – это само собой. Но сила бывает мрачная (Достоевский) и ясная (Толстой до своего повреждения). Ваша сила ясная, и в этой ясности ручательство, что злу она не послужит, не может послужить, за что бы Вы ни взялись, что бы ни задумали. Я был сначала поражен Вашей неиспорченностью, потому что не знаю школы хуже той, которую Вы проходили в «Новом времени», «Осколках» и проч. Потом понял, что иначе и не могло быть, – эта грязь не могла к Вам пристать. Школа, однако, сделала что могла – приучила Вас к обрывочности и к прогулке по дороге незнамо куда и незнамо зачем. Это пройдет, должно пройти, Вы будете не только не служить злу, а прямо служить добру. Само собой это выйдет, и тогда берусь Вам предсказать блестящую будущность. Но примите хоть к сведению совет человека, поседевшего на литературе, – не возвращайтесь ни на минуту на тот путь, с которого сошли, погибнете там. Не то чтобы Вы непременно писали большие вещи, пишите что хотите, пишите мелкие рассказы, но Вы не должны, не смеете быть дилетантом в литературе, Вы в нее должны душу положить.

Простите пожалуйста, поймите, из какого источника это письмо идет. И еще простите одну мелочь: я дополнил Вашу подпись, – не *Ан.*, а *Антон* Чехов. Есть, говорят, другой Чехов, да и вообще это фамилия не редкая, а Вы – редкий. Прецедент – *Глеб Успенский*.

Ваш *Ник. Михайловский*.

Слово, сб. 2-й, с. 216–217.

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ – ЧЕХОВУ

Начало марта 1888 г. Петербург

Извините, что не скоро ответил Вам, уважаемый Антон Павлович, – был очень занят, как это всегда бывает перед выходом книжки.

Не скрою, что Ваше письмо меня огорчило, до чего Вам, впрочем, конечно, дела нет. Я ничего не могу возразить против отсутствия в Вас определенной веры, – на нет и суда нет. Не считаю себя, разумеется, вправе касаться и Ваших личных чувств к Суворину. Но позволю себе не согласиться с одним Вашим аргументом. Вы пишете, что лучше уж пусть читатели «Нового времени» получат Ваш индифферентный рассказ, чем какой-нибудь «недостойный, ругательный фельетон». Без сомнения, это было бы лучше, если бы Вы в самом деле могли заменить собой что-нибудь дрянное. Но

этого никогда не будет и быть не может. Ради Вашего рассказа не изгонится ни злобная клевета Буренина, ни каторжные писания Жителя, ни «патриотическая» наука Эльпе. Я думаю, Вы сами с этим согласитесь. Ваш рассказ поступит в общий котел, ничего собой не заменив и не изменив. Вы своим талантом можете только дать лишних подписчиков и, стало быть, читателей Буренину, Жителю, Эльпе, которых Вы не замените, и разным гнусным передовицам, которых Вы заменить и не пожелаете. Колеблющиеся умы, частью благодаря Вам, въедятся в эту кашу и, привыкнув, найдут, что она не так уж дрянна, – а уж чего дряннее! Вы говорите об аристократической брезгливости ясной силы, не делающей чести ее сердцу. Здесь нет аристократизма, Антон Павлович, а сердце есть, сердце и участие к тем, кто по тяжелым обстоятельствам времени вынужден ежедневно питаться гнусностями. Не индифферентны Ваши рассказы в «Новом времени», – они прямо служат злу. Простите, пожалуйста.

Ник. Михайловский.

Слово, сб. 2-й, с. 217–218.